

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 81 (3737)

Суббота, 6 июля 1957 г.

Цена 40 коп.

НАРОД-БОГАТЫРЬ И ЕГО ПАРТИЯ

«Чапаев», «Разгром», «Бронепоезде 14-69», «Железном потоке», в «Как закалялась сталь», «Городах и годах», в десятках других повестей и романов советская литература показала всему миру, как и почему победила в нашей стране социалистическая революция: ее хотел и требовал народ, полагавшее его большинство, она отвечала интересам этого большинства, беззаветно поддерживавшего партию коммунистов.

И так было на всех наиболее важных, передовых этапах советской истории, когда партии приходилось сражаться против одиночек псевдо-«вождей», против тех, кто мечтал повернуть нас вспять, кто выступал против генеральной линии Коммунистической партии, против ленинской политики индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства. Полностью были разоблачены и идейно разгромлены троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты. Партия победила в этих боях потому, что ее поддерживал весь народ.

Маяковский со свойственным ему чутьем главного, основного в жизни народа десятки раз писал об этом. Наиболее ярко, пожалуй, известные строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Партия — рука миллионопалая,
сжатая в один громающий кулак.
Единица — вздор,
единица — ношь,
один — даже если очень важный —
не подымет простое пятивершковое бревно,
тем более дом пятиэтажный.
Партия — это миллионов плечи,
друг к другу прижатые туго.
Партия — стройки в небо взмечем,
держим и вздымая друг друга.
Партия — спина хребет рабочего класса,
Партия — бессмертье нашего дела,
Партия — единственное,
что мне не изменит...

Сколько раз враги дела социализма, рассчитывая подорвать одобренную народом политику партии, выдумывали, что их поддерживает или «большой слой» интеллигенции, или чуть ли не «вся» молодежь. И всякий раз попадали впросак, ибо оказывалось, что нет такого «слоя» ни в одном поколении советских людей, который выступал бы против интересов народа.

Если проследить то самое важное, что объединяет многие, очень различные, непохожие друг на друга, художественные произведения Шолохова, Фадеева, Гладкова, Леонова, Алексея Толстого, Тренева, Панферова, Лавренева, Федина, Тихонова, Кабаева, десятков наших прозаиков и поэтов, относящихся к 20-м и 30-м годам, то это и будет все та же «черта» нашей жизни — единство партии и народа. Народ поддерживал политику великого социалистического строительства в городе и деревне, отдавал все свои силы ее осуществлению, шел на жертвы и лишения, проявлял необыкновенный героизм, посылал лучших своих сынов в ряды партии. Дело партии и дело народа неотделимы во всех этих произведениях, как они неотделимы друг от друга в самой жизни.

А в годы войны... Те же имена наших наиболее талантливых писателей, десятки новых имен — и снова о том же великом единстве, о том огромном авторитете, который завоевала партия у народа. Алексей Куликов-боец в одной из своих повестей В. Горбатова, считавший себя еще недостойным быть в рядах партии, наконец, подает заявление о приеме. Он говорит:

«— Больших боев ждал. Мне теперь беспартийным быть не годится. Множество таких примеров — из жизни и из литературы — можем мы привести. И все они говорят об одном: для нашего народа партия — это то, что народ думает, это то, за что он борется, то, о чем он мечтает. Тем и значительна советская многонациональная литература, за то и любят ее миллионы наших друзей во всех странах, что она сумела правдиво показать, как дело строительства коммунизма стало кровным делом и целью жизни всех советских людей. Ведь потому и идет наша страна от успеха к успеху, потому и сумела наша великая партия осуществить индустриализацию страны, провести социалистические преобразования в дерев-

не, оттого и победила у нас небывалая культурная революция, что все это поддано народом, народом и завоевано.

Возьмите наш сегодняшний день. Как горячо, единодушно поддержан народом курс партии во внутренней ее и во внешней политике! И взрослые, и молодежь с энтузиазмом влились за подвиги и освоение тридцати пяти миллионов гектаров целинных земель. И рабочий класс, и крестьянство, и интеллигенция одобрили исторические решения XX съезда партии, шестой пятилетний план, борьбу за всеобщий технический прогресс на основе преимущественного развития тяжелой промышленности. Народ поддерживает дальнейшее развитие ленинских принципов демократического централизма, расширение прав союзных республик, повышение инициативы и самостоятельности местных организаций. И, наконец, что, кроме всеобщего одобрения, могут вызвать все мероприятия партии, направленные к быстрому и неутомимому повышению жизненного уровня населения!

Смелая, новая по своим методам и формам политика улучшения и расширения контактов с другими государствами, выдвигающая почву из-под ног всех и всяческих сторонников «холодной войны», — эта внешняя политика партии и правительства по праву проводится от имени всего советского народа.

Найдет ли и найдет ли уже сейчас это единство партии и народа, на новом этапе нашей истории, отраженное в трудах советских писателей? Да, несомненно. Достаточно открыть десятки наших журналов, количество которых очень возросло и в столице, и на периферии, чтобы убедиться в том, что подавляющее большинство советских писателей живет одной жизнью с народом, активно участвует в борьбе за коммунизм, внимательно следит

за думами и повседневным трудовым поведением народа, находя в этом источник вдохновения.

И все же нельзя не сказать о некоторых одиночках, оторванных от народа и от жизни, которые — именно вследствие этой своей оторванности — еще не разобрались в быстротекущих событиях, в существе борьбы партии против последствий культа личности и все еще очень и очень отстают от нашего стремительного движения вперед. В узенькой, крошечной группке писателей бролят настроения упадничества, эстетства, реставрации некоторых отживших форм литературного творчества, запоздалого «разоблачительства» грехов и пороков, давно уже вскрытых партией и народом. Эти настроения наши все острее и в некоторых произведениях, недвусмысленно осужденных всей писательской общественностью на III пленуме правления Союза писателей СССР.

Главная черта советской действительности — неизменно крепнущее, нерушимое единство партии и народа, — как никогда раньше, со всей силой и убедительностью проявляется сейчас. Она выражается в том, что вся деятельность партии проходит на глазах у народа, что в каждом действии советских рабочих, колхозников, интеллигентов участвует партия, участвуют коммунисты, люди, не отделимые от народа, ему верные, им самим выдвинутые. Народ-богатырь строит коммунизм, смело и решительно отбрасывая со своего пути все, что мешает ему, отстранивая своих одиночек, которые на каждом шагу истории оказываются «голыми королями», генералами без армии. Партия явша победителя и мотуца своей связью с народом, той сердечной поддержкой, какую имеет ее политика — и внутренняя, и внешняя — со стороны всех советских людей.

С ТОБОЙ, НАШ ЛЕНИНСКИЙ ЦК!

Советские писатели единодушно одобряют решения Пленума ЦК КПСС

МОСКВА

Коммунисты московской писательской организации и издательства «Советский писатель» горячо одобрили постановление июньского Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова.

Собрание открыл секретарь парткома В. Сытин. С докладом о работе Пленума выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков. Он говорил о том, с каким единодушием осудил Пленум фракционную, антипартийную деятельность группы интриганов, оторвавшихся от партии, от народа.

— Пленум ЦК партии вскрыл опасный нарыв, — сказал А. Сурков. — Как выяснилось, группе интриганов не были дороги ни партия, ни судьбы нашего народа. Косные, замшелые люди всячески мешали великой работе, которую проводит партия. В заключительной части доклада А. Сурков остановился на огромных задачах писательской организации. Он особо подчеркнул, с какой величайшей заботой относится ленинский Центральный Комитет партии к вопросам дальнейшего развития советской литературы, какое большое значение сыграла встреча руководителей партии и правительства с литераторами накануне III пленума правления Союза писателей СССР.

Наш долг — всегда быть верными помощниками партии в ее борьбе за построение коммунизма, — сказал А. Сурков. — Мы должны создавать произведения, отражающие героический путь советского народа — строительства коммунизма.

Один за другим поднимались на трибуну писатели-коммунисты. В страстных, взволнованных выступлениях они единодушно, решительно осуждали Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шеннилова за тайный сговор против партии.

А. Первенцев рассказал, с каким подъемом колхозники Кубани превратили в жизнь решения XX съезда КПСС, как активно борются они за то, чтобы помочь нашей стране достигнуть в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения.

— Мы это видим и всем сердцем

верим в нашу победу. А догматики, фарисей-начетники, которые оторвались от народа, от партии, не видя этого, начали атаковать партию, выступать против ее правильного курса. Поведение Маленкова, Кагановича и Молотова — прямая измена ленинскому делу.

Л. Никулин, только что возвратившийся из поездки в Париж, рассказал, как продажная желтая пресса использовала в своих целях всякие раскиски о нашей стране.

— Но пусть враги не радуются! Наша партия стала еще сильнее, еще монолитнее. И пусть все знает, как мы, писатели-коммунисты, разгневаны и возмущены поведением участников антипартийной группы, которая стремилась подорвать коллективное руководство в партии!

В. Кожеников говорил о том, что фракционная деятельность антипартийной группы нанесла серьезный вред и литературе. И наша важнейшая задача сейчас — поднять идейный и художественный уровень нашей книги, достойно встретив сороклетие Советского государства.

— Только политические слепцы, вроде Маленкова, Кагановича и Молотова, не видели то живое и творческое, что характеризует жизнь нашего народа после XX съезда партии! — заявил Н. Родиков.

Выступил Л. Лагина. Е. Долматовская, Л. Опаннина, Б. Галина. В. Сытина были пронзаны мыслью о том, как народ верит своей партии и претворяет в жизнь ее решения, как партия последовательно и настойчиво проводит в жизнь политику, направленную на ослабление международной напряженности, за мир — против войны! И советские писатели — верные помощники партии — должны быть передовым отрядом интеллигенции в борьбе за реализацию решений партии.

Никане двурисники типа Шеннилова, — заявил Л. Лагин, — не смогли сделать писателей «разменной монетой» в своей борьбе против партийного руководства.

Писатели-коммунисты единогласно приняли резолюцию, в которой горячо одобрили постановление июньского Пленума ЦК КПСС и решительно осудили раскольническую деятельность антипартийной группы.

В честь национального праздника

НАЛЬЧИК. (По телефону). Города и селения Кабардино-Балкарии в праздничном убранстве: народ отмечает свой большой национальный праздник — 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России. Много важных событий сопутствует исторической дате. Вчера в столице республики, на площади Советов, состоялась торжественная открытие памятника В. И. Ленину. Всю республику облетела волнующая весть о награждении Кабардино-Балкарской АССР орденом Ленина. В ознаменование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями группу передовиков промышленности, сельского хозяйства, работников науки и культуры, партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций Кабардино-Балкарской АССР — всего 410 человек. С огромным воодушевлением восприняли трудящиеся республики приветствие Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров Союза ССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

В честь знаменательной даты в Нальчике открылась республиканская промышленная выставка. Дореволюционная Кабардино-Балкария не имела своих промышленных предприятий. Разве можно сравнить прежние кустарные мастерские с современной индустрией республики, которая ежегодно выпускает продукции более чем на полтора миллиарда рублей! В павильонах выставки экспонирована разнообразная продукция предприятий республики.

Трудящиеся республики встречают делегации братских национальных республик, прибывающие на празднование знаменательного четвердесятилетия в Нальчике уже находятся представители Украины, Азербайджана, Воронежской и Ростовской областей. Ожидаются гости из Ленинграда, Грузии, Армении, Дагестана, Чечено-Ингушской АССР, Сталинградской и Астраханской областей, Краснодарского края и др.

Вчера в Нальчике открылась декада русско-ингушского искусства и литературы. Для участия в декаде приглашены писатели, артисты столичных театров, художественные коллективы.

6 июля в Нальчике состоится торжественное заседание Верховного Совета, Обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР, посвященное исторической дате.

НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ РАБСЕЛЬКОРОВ

В Москве закончилась Всесоюзное совещание рабочих и сельских корреспондентов, в котором участвовало более шестидесяти представителей краев и областей, автономных республик и национальных округов Российской Федерации. В прениях по докладу о задачах рабочих и сельских корреспондентов, а также на заседаниях секций выступило свыше ста двадцати человек.

— Мы, рабселькоры, горячо одобряем решение Пленума ЦК Коммунистической партии Советского Союза, — сказал в своей речи рабкор Ф. Богут, секретарь партийной организации Гречано-Балковской МТС Краснодарского края. — Рабочие и сельские корреспонденты всегда, на всех этапах нашего строительства активно поддерживали генеральную линию партии. Никакой антипартийной группе, никаким раскольникам и маломерам не удалось поколебать единство Коммунистической партии и советского народа.

Его решительно поддержал помощник машиниста депо станции Москва Северная железной дороги Б. Абрамов: — Все мы, работники Северной дороги, единодушно осуждаем раскольнические действия антипартийной группы Маленкова, Кагановича и Молотова и призываем к ней Шеннилова и горячо поддерживаем решение ленинского ЦК нашей партии.

В совещании приняли участие член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК тов. А. Б. Аристов и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК тов. П. Н. Поспелов, рассказавшие о работе июньского Пленума Центрального Комитета партии, разоблачившего антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова.

Товарищи А. Б. Аристов и П. Н. Поспелов призвали рабочих и сельских корреспондентов еще настойчивее и активнее бороться за успешное превращение в жизнь задач, поставленных Коммунистической партией перед советским народом, пожелали им новых успехов в работе.

Участники совещания приняли обращение ко всем рабочим и сельским корреспондентам Российской Федерации.

Вадим Собко недавно побывал на шахтах Донбасса. Он рассказывает о замечательнейших изменениях, которые произошли в нашей промышленности, об огромных перспективах, которые раскрываются перед промышленностью совнархозы, говорит о расцвете украинской культуры.

— Какими же пилегиями на этом фоне выглядят члены антипартийной группы, руководившие в своих действиях только одними эгоистическими стремлениями!

Старейший украинский прозаик Петро Панч, говоря о жывительной связи партии с народом, подчеркивает, что только отрыв от интересов, от нужд народа мог привести членов антипартийной группы к тайному сговору против Центрального Комитета.

— Недавно группа наших писателей возвратилась из братской Белоруссии, — начинает свое выступление Леонид Новиченко. — Мы видели, каких успехов достигли белорусы, насколько увеличилось за последние годы благосостояние трудящихся.

Все знают, какие замечательные результаты приносит огромная забота партии о развитии нашей промышленности и сельского хозяйства. И вот, вместо того чтобы помочь Центральному Комитету партии еще дальше двигать вперед дело подъема народного хозяйства, антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова ставила палки в колеса, проводила подлую антипартийную деятельность. Решение Пленума ЦК КПСС делает нашу партию еще более могучей, еще сильнее сплотит наш народ вокруг партии, позволит добиться еще больших успехов.

На собрании выступили также П. Холденко, А. Хижняк, В. Сосюра, Б. Папиченко, А. Мальшюк, М. Шеребет, Ю. Диденко-Черный, М. Шемидо, Д. Косарик.

Не все желающие успели выступить с трибуны. Свыше шестидесяти участников собрания направили в президиум собрания письма, в которых от всей души присоединяют свой голос к решению Пленума ЦК КПСС.

Писатели Киева единодушно одобрили решение Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии, осудившее как несомненно с ленинскими принципами фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шеннилова. Писатели Киева заверили Центральный Комитет в том, что они еще теснее сплотятся под непоколебимым знаменем марксизма-ленинизма.

За власть Советов на Дону

НОВЫЕ КНИГИ РОСТОВСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

— Сорочкову годовщину 1917 по 1920 год, показывающая Октябрьский социалистический переворот, великую Октябрьскую революцию Российской Федерации, коммунистическую партию борющейся за Советскую власть на Дону, — сообщает корреспондент Литературной газеты директор издательства А. Гриднев.

Особый интерес для нас, жителей Дона, представляет книга П. Моснатова, Г. Шабалинского, М. Карагодской «Рабочий класс Дона в борьбе за Советскую власть». В этой книге дан исторический очерк революционных событий на Дону в период с 1917 по 1920 год, показывающая роль рабочего класса Дона в борьбе за Советскую власть.

Полным ходом ведется подготовка к изданию фотополемона «В краю Донском», в котором мы хотим показать расцвет нашего края за годы Советской власти.

Общий объем литературы, выпускаемой нами к 40-летию Великой Октябрьской революции, составляет свыше 120 печатных листов.

Возвращение М. А. Шолохова из зарубежной поездки

Возвращение М. А. Шолохова из зарубежной поездки

Вчера из зарубежной туристской поездки вернулся на Родину Михаил Александрович Шолохов с супругой.

К приходу поезда на Ленинградском вокзале собрались родные, друзья, писатели, представители печати.

В беседе с корреспондентами «Правды» и «Литературной газеты» М. А. Шолохов сказал:

— Я побывал в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании. Скандинавские страны я посетил вторично, спустя 22 года после первой поездки. Встречался с писателями самых различных взглядов и направлений, представителями прессы, разных организаций.

Было немало дружеских бесед. Пришлось отвечать на множество вопросов иностранных друзей, которые проявляют большой интерес к нашей стране, культуре и литературе. Было немало разговоров и с иностранными издателями. Я советовал им выпускать книги не только известных советских писателей, но и молодых талантливых литераторов, издавать книги, рассказывающие о нашей современной жизни.

Крепко запомнились задушевные разговоры с писателями скандинавских стран по творческим вопросам. Я очень доволен своей поездкой.

В Стокгольме встретился и имел продолжительную беседу с известным американским писателем, путешествоющим по Скандинавии, Джоном Стайнбеком.

Мне с ходу, с дороги трудно ответить на многочисленные вопросы. Я суммирую результаты своих впечатлений и поделюсь ими в нашей печати.

На снимке: М. А. Шолохов и его супруга Мария Петровна на Ленинградском вокзале в Москве. Внук Миша вручает дедушке и бабушке букет цветов.

Фото А. Лапина

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

В БОЕВЫЕ ДНИ

Подборка выходящих писателей взята из сборника биографий и автобиографий, подготовленного к печати Гослитиздатом.

А. ФАДЕЕВ Когда по окончании гражданской войны мы стали сходить с разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, — мы поразились тому, сколько общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаяв». Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова...

М. ШОЛХОВ Взаимоотношения и я, и издавна установившиеся между советскими писателями и читателями, совершенно иные, нежели в капиталистических странах. Народ, которому мы служим своим искусством, ежедневно говорит о нашей работе устами читателей. Нас критикуют, ругают, когда надо, поддерживают под локоть при творческих неудачах, хвалят, когда мы этого заслуживаем, и каждый из нас постоянно чувствует около себя эту направляющую испанскую трудовую и ласковую руку народа-создателя...

Ник. ТИХОНОВ В год Октябрьской революции мне было только двадцать лет. Под впечатлением первых месяцев революции я написал целую книгу стихов, которая осталась в рукописи, хотя некоторые стихотворения, входившие в нее, читались на митингах и литературных вечерах красноармейской самодеятельности.

Бор. ЛАВРЕНЕВ Осенью я ушел с бронепоездом на фронт, штурмовал петлюровский Киев, входил в Крым. В Крыму мы в 1919 году не удержались и в июне под натиском белых откатились на север. По дороге в Киев, на станции Миронивка, меня увидел Наркомвоенмор Украины Н. И. Подвойский и тут же забрал в свой полевой штаб начертком. Подвойский проводил решающую операцию по ликвидации банды атамана Зеленого. В последнем бою, при прорыве бандитов через полотно железной дороги у разъезда Карпальши, я был тяжело ранен в ногу, эвакуирован в Москву и по выздоровлению направлен в Ташкент в распоряжение Политотдела Туркфронта...

С. ГОЛУБОВ Не знаю, как бы можно было еще относиться к происходившему и как его понимать. Я же сперва убедился, что война по ряду причин не может быть выиграна царским правительством; затем понял, что неизбежным следствием поражения будет революция и что именно в ней заключается единственный выход из гибельного положения, в котором очутилась страна; наконец, явственно разглядел впереди живое продолжение революции — победоносную гражданскую войну.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ В феврале 1920 года я вступил в партию. С помещиком, банкиром на битву мы идем, Всем кулакам-вампирам мы гилье принесем! Мы — красные солдаты за бедный люд стоим, За нивы и за хаты свободу отстоим! Верно, какая неприязнительная и отнюдь не мастеровская строфа! А вся жизнь повторяю ее с глубоким волнением, она воспринимается самым лучшим, что было в моей молодости.

С. ШИПАЧЕВ В середине апреля 1919 года попал я в легендарный Чапаяв. Он куда-то ехал на деревянном ходу. Стоявший рядом со мной красноармеец с гордостью сказал: «Этот наш комиссар. Студент! Последнее слово было произнесено с особым подчеркиванием: дескать, образованный, а вот, видишь, вместе с нами — рабочими и крестьянами — пошел против буржуев...»

В. ДРУЗИН А. Неверов в прозе, Н. Тихонов и В. Луговской, М. Светлов и И. Уткин в поэзии писали о боях гражданской войны. Писали по-разному. У каждого были свои накопленные впечатления, свой материал, свой угол зрения.

В. ДРУЗИН Так, в одном литературном объединении сплелись Д. Фурманов, Ю. Либединский, А. Серафимович, А. Фадеев, А. Безыменский, А. Наров, а в другом — К. Федин, Н. Никитин, М. Словимский, Н. Тихонов, в третьем — В. Маяковский, И. Асеев, С. Трягилкин, в четвертом — И. Сельвинский, Э. Браггинский, В. Луговской, В. Инбер.

В. ДРУЗИН В самом понимании революции были различия среди писателей. Одни с самого начала делили подлинную суть событий, понимали и умели избрать руководящую и организующую роль партии, изборающую коммунистическую партию народных масс. Другим революция представ-

Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скачущим и страдающим от ожирения «верхним десятиям тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее.

В. И. Ленин

РОЖДЕННАЯ революцией, советская литература подарила миру столько необычных, увлекательных, как романы, писателей биографий, так и количество новых, талантливейших и разных книг, что мы до сих пор не в состоянии по достоинству оценить это великое плем.

Наряду с Горьким, Маяковским, Серафимовичем, Демьяновым Бедным, Федоровым Гладковым впервые прозвучали имена Михаила Шолохова, Дмитрия Фурманова, Юрия Либединского, Александра Фадеева, Николая Тихонова, Константина Федина, Леонида Леонова, Всеволода Иванова, Лидии Сейфуллиной, Александры Неверовой, Александры Малышкиной, Бориса Лавренко, Аркадия Гайдара и много, много других имен. «Имена — вспоминают — имена, имена — десятилетия имен, совершенно неведомых русской литературе тридцать лет назад и вдруг, после гражданской войны, прорывшихся из-под земли, действительно, как грибы в грибное лето».

Они, эти новые писатели, приходили в литературу со всех концов потрясенной, обновленной, теперь уже советской земли — с Волги, с Дона, с Урала, из Сибири, с Украины, из Владивостока, часто непосредственно с фронтов гражданской войны.

«В конце концов вышло так, — говорит о себе Аркадий Гайдар, — что четырнадцать с половиной лет я уже командую 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на Петлюровском фронте. А в 17 лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом, — это на Антоновиче... Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенные биографии в необыкновенное время».

Необыкновенное, героическое время гражданской войны, то есть тема революционного народа, в великой борьбе отстаивающего право на труд, на жизнь, на творчество, становится основной темой советской литературы.

Стефан ЗОРЬЯН Вопрос, для чего надо писать, выясняется для меня постепенно под влиянием революционных событий. Еще до установления Советской власти в Армении мною написаны рассказы «Война» и «У колодца», где впервые у меня действуют революционные настроенные люди, которые борются за обновление жизни.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Готовясь к знаменательной дате — 40-летию Октября, мы хотим представить себе развитие советской литературы в ее исторической последовательности.

В дни гражданской войны на сторону революции встали известные мастера слова, начинавшие писать задолго до 1917 года. А. Блок и В. Брюсов, А. Серафимович и В. Вересаев приветствовали крушение старого мира, политически самоопределялись как сторонники нового, в грозе и буре рождающегося советского строя.

Пролетарские писатели, которых вырабатывал и собирал еще в дореволюционные годы Горький, заговорили в полный голос. Поэты «Звезды» и «Правды», авторы сборника пролетарской поэзии 1914 года создавали новую, советскую поэзию, поэзию победившей революции.

Подлинной партийностью проникнуты были стихи и поэмы Демьяна Бедного, наиболее популярного поэта тех дней.

С фронта гражданской войны пришли переполненные впечатлениями от пережитого новые, молодые писатели. Политработники и командиры Красной Армии, ее рядовые бойцы брались за перо, создавая свои первые рассказы, повести, романы. Появились и новые молодые поэты. В советской литературе стало многолюдно. Темы гражданской войны на первых порах решительно преобладали.

остановились в уютной своей согласованной походке, и мачты пляшут, как пьяные, и люди не могут ни есть, ни спать».

Из таких пейзажей-миниатюр, отрывочных воспоминаний, беглых характеристик, лирических описаний — из этой своеобразной, тончайшей художественной мозаики возникает прекрасный героический образ революционной эпохи, самых первых, самых молодых ее лет.

Разрозненные и пестрые, на первый взгляд, эпизоды складываются в цельную, законченную картину трехлетнего похода, начатого под Казазью и Свияжском, — от обрывов и холмов елей Камы до знойных прикаспийских солончак, от волжских плесов до Астраханского рейда, где корабли по мелям и миам выбивались к наступающей воде.

Герои книги «Фронт» существовали в действительности и, одухотворенные высокой романтикой борьбы за революцию, за Советскую власть, продолжают жить в книге Ларисы Рейснер, воспитывая в людях революционную отвагу, благородное мужество.

Их много, этих героев, борцов за революцию: доблестный матрос Иван Калинин с взором, пронзительным, как колоточки, волосами; крестьянин-солдатец Иван Иванович из села Солондюки со своей немощной и величавой улыбочкой; старший артиллерист — ученый и солдат товарищ Кузьминский; Казанов — легендарно-отважный начальник десантных отрядов Волжской флотилии; благодарный и стихийно горячий Маркин — командир лучшего парохода «Ваня-Коммунист»; неукротимый романтик революции командарм Азин, здесь и ветеран революции Александр Сильверий Сабуров, участник эпопеи лейтенанта Шмидта, сейчас обретенный свое новое, безумно дорогое призвание в борьбе за Советскую власть; здесь и командующий всеми морскими силами республики артист Беренс, который, порвав с прошлым, всего себя посвятил служению революции...

И все они вместе составляют великое братство революционного народа: «Братство — за тасканное, несчастное слово. Но когда крайние нужды и опасности — бескорыстное, святое, никогда больше в жизни неповторимое. И тот никогда не жил и ничего не знает о жизни, кто не лежал ночью, вышивший, рваный, и не думал о том, что мир прекрасен, и как прекрасен! Что вот старое свалилось, и жизнь дерется голыми руками за свою непроходимую правду, за светлые доблесть своего воскресения, за нечто незримо большее и лучшее, чем вот этот кусок звездного неба, видного в бархатное окно с выбитым стеклом, — за будущее всего человечества».

Я не могу назвать забытыми или почти забытыми повести о гражданской войне Бориса Лавренко («Ветер», «Рассказ о простом вейце», «Сорок первый», «Седьмой спутник»), объединенные общим заглавием «Повести о великих днях». И все же неопознательно мало внимания уделяю этим великолепным вещам, за светлыми доблесть своего воскресения, за нечто незримо большее и лучшее, чем вот этот кусок звездного неба, видного в бархатное окно с выбитым стеклом, — за будущее всего человечества».

Ветер — прозаический, пронзительный, яростный, безудержный ветер — символ революции — сопутствует всем событиям повести, поэтически подтверждая ее основную идею.

Пламенное вдохновение революции, «бурный, бьющий в сенным пологом», выходящий из всех берегов» поток революционной стихии — вот тема повести.

Как мог Маяковский подписываться под вульгаритарскими, антипоэтическими лозунгами «Лефа», создавая в том же 1923 году свою лирическую поэму «Про это»?

Отдам всю душу октябрь и маю, Но только лиры мной не отдам, Но только лиры мной не отдам, когда в его же представлении «лира» эта и есть «душа», когда поэзия — это и есть самое задушевное для него?

В. Пастернак одновременно давал «Девятый пятый год», «Лейтенант Шмидт» и отрешенную от времени лирику.

Сейчас эти противоречия кажутся явными. Тогда многие писатели еще находились в плену таких противоречий и им приходилось много и напряженно работать, размышлять, пересматривать и отбрасывать «программы», изучать жизнь — и так двигаться вперед.

Вот почему по-разному писалось о революции, о боях гражданской войны в «Чапаяеве» Фурманова, в «Железном потоке» Серафимовича, в «Разгрома» Фадеева — с одной стороны, и в «России, кровью умытой» Веселого, «Юнармии» Бабея, «Городах и годах» Федина — с другой.

«Ветер» — прозаический, пронзительный, яростный, безудержный ветер — символ революции — сопутствует всем событиям повести, поэтически подтверждая ее основную идею.

И эта бурная, как половодье, действительно весенняя повесть почти забыта нашей наукой о литературе!

Мало, очень мало написано и о «Вирине» Лидии Сейфуллиной. А ведь это первая, талантливая книга о женщине-крестьянке, освободившейся, возрожденной Октябрьской революцией. В свое время Дмитрий Фурманов записал в дневнике: «У Виринеи в каждом слове, в каждом поступке чувствуются подлинная сила, богатые, но дремлющие, не развернутые, битая крестьянская женщина, удрученная и замученная невзгодами тяжелой бесправной жизни, — о нет, Виринея в дугу не согнется! Как крах, крепкая... скорее погибнет, а не поддается».

Непростительно также и забвение новаторского рассказа Федора Гладкова «Зелена», посвященного гражданской войне в казахских станицах на Кубани. Здесь впервые в литературе прозвучала тема созидательной силы пролетарской революции.

Эта тема дана уже в экспозиции рассказа: белые саранчи ползут, разрушая плоды долгого и упорного труда народа, а бойцы за революцию, защищая себя, свое священное право на труд, давят окопы роют по-ховайски лезе и забывают, будто собралась на обычную артельную работу.

Крестьянский мальчик Титка идет в бой, а ему кажется, будто бойцы и он с ними идут в поле, в ночное. Эта глава начинается и заканчивается сравнением с ночным, углубляя и развивая тему экспозиции.

Основные действующие лица рассказа — медсестра, подросток Дуля, мальчик с ружьем за плечами, прибывший вместе с матросами, и пятнадцатилетний Титка. Титка, идя в бой, получает первое крещение, а мальчик с ружьем с гордостью говорит себе: «Я в революции уже год... у меня — революционная идея».

Титка, Дуля, безымянный мальчик с ружьем — только что начинающая жить молодежь, «зеленая» революция. Они все торопятся и в то же время героический подвиг бессмертен, дает новые, обильные и щедрые всходы.

Слова о бессмертии народа в его труде и борьбе Титка впервые слышит из уст солдата, который вместе с ним шагает в окопы. «С народом никакая сила не справится. Генералы да эксплуататоры были — и нет их. А народ живет и мается. Он — как земля и мастница: сколь ни топчи, ни ломай ее — она растет еще гуще. Народ — сила вечная, неистребима». Эпизодическая фигура солдата, его слова подтверждают основную идею рассказа.

Тема гражданской войны в литературе еще ждет своего исследователя. Пока здесь сделано очень мало.

Вне поля зрения литературоведов, к примеру, остались такие книги: «Шолохов» Тарасова-Родионова, «Преступление Мартына» Вл. Бахметьева, «Андрон Непутевый» и «Ташкентский род холмогорский» Неверова, «Падение Данна» Малышкина, «Россия, кровью умытая» Артема Веселого, «В тундре» Вересаева, «Юнармия» Бабея.

Можно продолжить список забытых или полужабытых книг. В преддверии сорокалетия Великой Октябрьской революции мы обязаны об этом серьезно и самокритично подумать.

сти, приветствуя крушение старого мира, понимали новаторство советской литературы весьма радикально и весьма превратно.

Им казалось, что от старого мира нельзя ничего брать для новой эпохи. Во имя нашего завтра надо отринуть все старое наследие, как наследие эксплуататорского строя.

Новаторство советской литературы должно заключаться в отрыве от старых литературных традиций.

Такое понимание новаторства приводило и к футуристическому формализму, и к забвению реалистических принципов, и к другим ошибкам, в том числе и к усилению декадентских влияний, которые возникали на месте отрицательного старого реализма.

У пролетарских поэтов «Кузницы», торжественно отрешившись от старого наследия, вдруг слышались откровенно декадентские мотивы.

С этим ложным пониманием новаторства и отрешением от старого наследия пришлось иметь дело и в двадцатых годах. Но постепенно ошибки и заблуждения изживались.

Продоление стихийности, проникновение в подлинное закономерности общественного развития означало рост социалистической сознательности писателей.

На первый план в связи с этим выдвинулась проблема изображения положительного героя, нового человека революционной эпохи. Оказалось, что новое слово в литературе говорит не тот, кто провозглашал безудержное формальное экспериментаторство под флагом отрешения от всяческой «старинки», не тот, кто воспевае революцию в ее космическо-стихийных очертаниях, а тот, кто скромно и просто, явно наследуя старые плодотворные реалистические традиции, изображает подлинных героев революции. Успех «Неделя», «Чапаяев», «Бронепоезд 14-69», «Железного потока», «Разгрома» был очевидным доказательством этой истины. Конечно, это не значит, что в других книгах тех лет не было ничего хорошего. Тем более не значит это, что в прозе 20-х годов не было других писателей, как это рисуется в учебных пособиях, предназначенных для наших школьников и студентов.

Стрел

А. МАКАРОВ ПОЭЗИЯ РЕВОЛЮЦИИ

«...Литература революции началась со стихов», — писал Владимир Маяковский. Это верно не только исторически, но и потому, что поэзия, как более оперативный жанр, многоголосно откликнулась на величайшее в истории человечества событие, но и потому, что в поэзии этих грозных лет уже прозвучали многие черты, которым суждено было стать определяющими чертами новой, советской литературы.

Принятие революции, осознание ее как исторической необходимости и осуществления великих чаяний и идеалов народных — таково восприятие революционной бури лучшими поэтами той поры. Отсюда и гордые заявления Маяковского «Моя революция», и страстные призывы Александра Блока: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». Отсюда и обретение поэзией своего существования в службе революции, поиски практических путей средствами искусства служить народу в его повседневной борьбе за будущее.

В январе 1918 года поэт старшего поколения Блок пишет свои «Двенадцать» — первую поэму революции. Первую, но такую, какую мог написать

только поэт, прокладывающий пути поэзии будущего. И дело тут не только в гудках и ритмах революции, «подслушанных поэтом», о чем так любят говорить поэты-критики, и не в том, что представитель старой интеллигенции Блок не понимал сознательных целей революции, которые отлично понимают выучившиеся в советских вузах литературоведы, а в том, что впервые в этой поэме большой поэт ощутил народные массы как подлинных творцов истории и сделал героями своей поэмы именно представителей этих масс. Решение задач, возникших перед поэзией, Блок искал не в декларациях и косметических абстракциях, а в сочетании реалистического изображения действительности с суровой романтикой революционной борьбы и властным призывом: «Революционный держите шаг!» И это узнаваемо литературе верное и в то же время отличающее ее направление. Что же касается религиозно-мистических мотивов и пресловутого Христа, с которым вот уже почти 40 лет не могут разойтись профессора и преподаватели, то, может быть, более других, по-художнически прав известный писатель М. Пришвин, сказавший как-то: «Сильно подозреваю, что Христос в поэме Блока «Двенадцать», грациозный, легкий, разукрашенный розами, есть обожествленный сам Блок, иллюзорный вождь пролетариата».

И, пожалуй, это всего верней, и на слабых сторонах поэмы действительно сказались личные слабости самого поэта, сохранявшего веру в свой избранный жребий. Поэтический подвиг Блока не затмевает деятельности других поэтов, также по-своему принявших революцию, таких, как В. Брюсов и С. Есенин, не умаляет их заслуг перед родной русской литературой.

Сделать же поэзию боевой помощницей народа в его практических делах, орудием активного вторжения в жизнь было суждено другим поэтам — Владимиру Маяковскому и Демьяну Бедному. В эти далекие годы имена этих поэтов стоят рядом, и каждый из них разговаривает с народом, обращаясь непосредственно к борющимся массам, один — мятежный, взволнованный, с высот поэзии, бросающийся в революцию бурно пропламенными словами «Ленос марша», заставляющего почувствовать пафос великих революционных свершений, возгореться духом, другой — старый воспитанник большевистской «Правды» — стихами, доступными и разумеющему любому простому человеку, разясляющими

В. И. Ленин и Демьян Бедный

ему смысл событий и указывающими реальными цели его борьбы.

Не пройдет и двух лет после «Двенадцати», как Маяковский первым, с огромной поэтической силой скажет, что значит для революции ее подлинный вождь Ленин («Владимир Ильич»), и первым заявит о том, что ныне стало творческой верой советской литературы в целом:

Поэтом не быть мне бы,
если б не это пел —
в звездах пятиконечных небо
бездмерного свода РКП.

В практической работе на революцию, в «черной» работе плакатчика и доуговива, «революцией мобилизованный и призванный» поэт потому и вырастает в великого поэта, что только активное участие в социальной работе действительности и рождает большого художника.

Более сорока книжек выпустил Демьян Бедный в годы гражданской войны, которые он провел на фронте, книжек о «величайшем из великих, красноармейце радюм!» Его книги загорались сердца читателей революционным огнем и укрепляли волю к борьбе. В те дни Бедный был самым популярным поэтом. И еще долго впоследствии пел по деревням его «Проводы» — эту песенку присягну на верность новому, советскому строю пели до тех самых пор, пока не зазвучала в полях задушевная песня Исаковского, завышавшая о массовом утверждении в деревне нового, социалистического сознания.

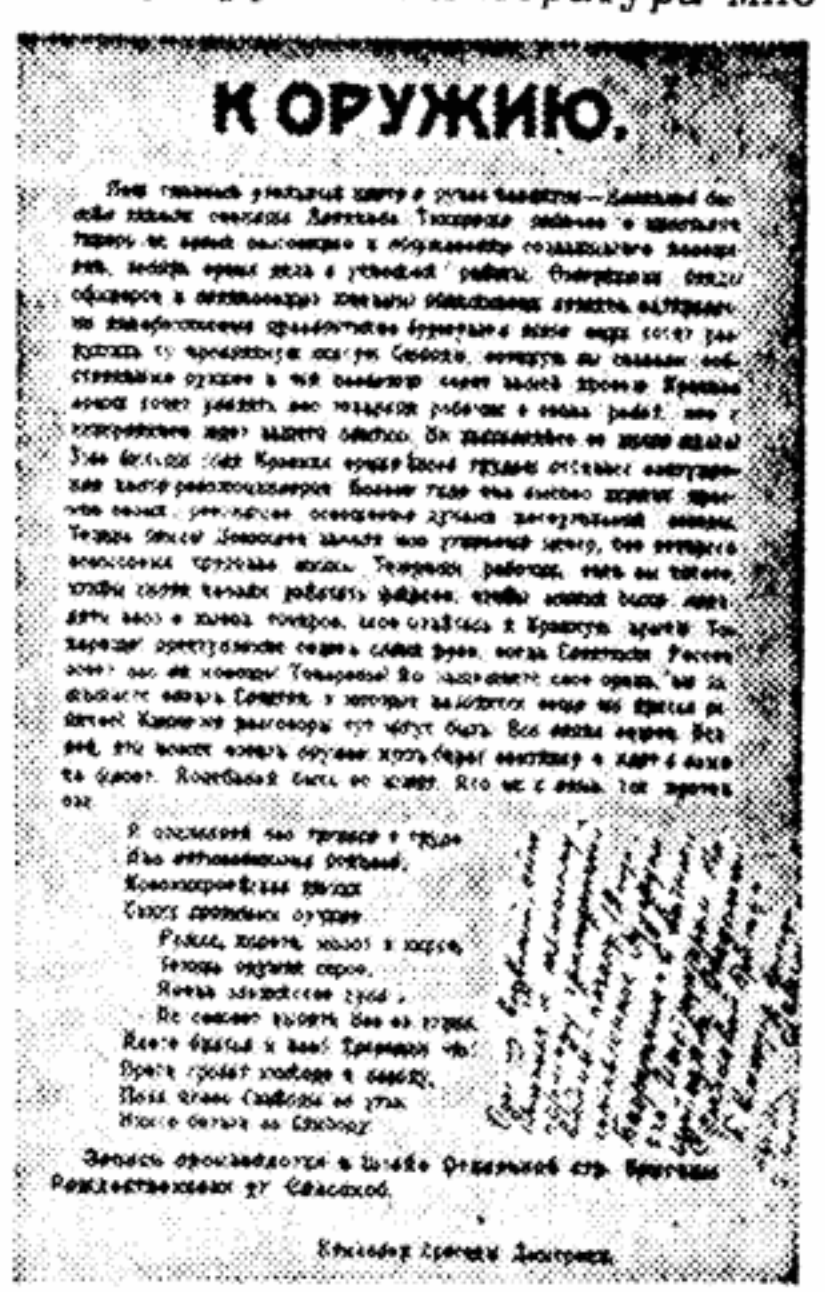
Воспевая революцию и уча бойцов воевать, советская поэзия тех лет в лице Бедного, в лице рабочих поэтов Полетаева, Арского, Александровского, Казина и других сама училась активно влиять на действительность и утверждала за собой литературой искусство вторжения в жизнь как искусство. Литература становилась реальной помощницей партии, которая пробуждаясь к творчеству новых форм жизни народа направляла, строила в ряды. И этой особенностью было суждено стать неотъемлемой чертой советского искусства.

А на встречу поэзии, пришедшей в революцию и идущей в ногу с нею, поднималась соотечественная волна массового поэтического творчества тех, кто эту революцию своими руками делал, кто сражался за нее в битвах гражданской войны. И если были среди них иногда и профессиональные поэты, как белорус Александр Гурло, моряк-балтинец, участвовавший в штур-

ме Зимнего и воспевавший этот штурм песней звонкой, песней воли, то имена многих авторов песен и стихов, которые жили и воевали тогда, история не сохранила. Да и нередко авторы подписывали свои стихи такими именами, которые выражали собой их социальную сущность, их поэтическое кредо: Пролетарий, Беспощадный, Красноармеец, Красочная символика этих стихов как нельзя лучше отвечала душевному настроению раскованного человека, почувствовавшего себя хозяином жизни, и если сейчас эта символика и аллегоричность кажутся наивными и мы не помним уже этих стихов, то все же если они в себе характерные для новой литературы революционной непримиримость к старому, ее веру в победу, ее патриотизм. И они были почвой, которая также питала новое поколение уже вырвавшихся в советских условиях поэтов. Да ведь многие из этих поэтов и пришли в поэзию с винтовкой в руках прямо с полей гражданской войны, навсегда принеся в литературу заповедь, что перо должно быть приравнено к штыку. Это и А. Сурков, и Н. Тихонов, и многие другие.

Далекое годы, а как они нам близки! Именно в эти годы человек семьи трудовой, боец за новое, закрепляется как основной герой новой литературы в широком потоке поэтических произведений. Художественные завоевания основоположника литературы социалистического реализма А. М. Горького, сделавшего героем своих книг трудящегося человека-борца, освещаются поэзией и становятся ее достоянием.

А разве не в этой революционной буре рождалась и наша литература как литература мно-

Листовка, написанная З. Багричкой в 1919 г.

Для того чтоб ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм, который — само собою разумеется — может быть создан только на фактах социалистического опыта.

М. Горький

гонациональная, спаянная единством цели и братской дружбы? И если Маяковский в те годы пел подвиги красной звезды лавы, то с Украиной переключился с ним Павло Тычина своим задушевым «Ой, упал боец с коня...». А когда Купала и Колас приветствовали стихами Октябрьские события, на другом конце необъятной страны являющийся таджикский поэт Айни писал свои призывные «Марш Свободы» и «Марш Октября», ставшие любимыми песнями революционной таджикской молодежи. И будущий национальный герой татарского народа Муса Джалиль, тогда еще юный комсомолец, уже печатал в газете Туркестанского фронта свое первое стихотворение, стихотворение поэта-бойца, каким он и остался всю свою жизнь, увекая ее подвигом бессмертия. Единство цели, единство веры, так ощутимо сказавшееся в те годы в творчестве поэтов, сумевших стать голосом своего народа, — вот что явилось тем фундаментом, на котором воздвигнута монолитное здание многонациональной советской литературы.

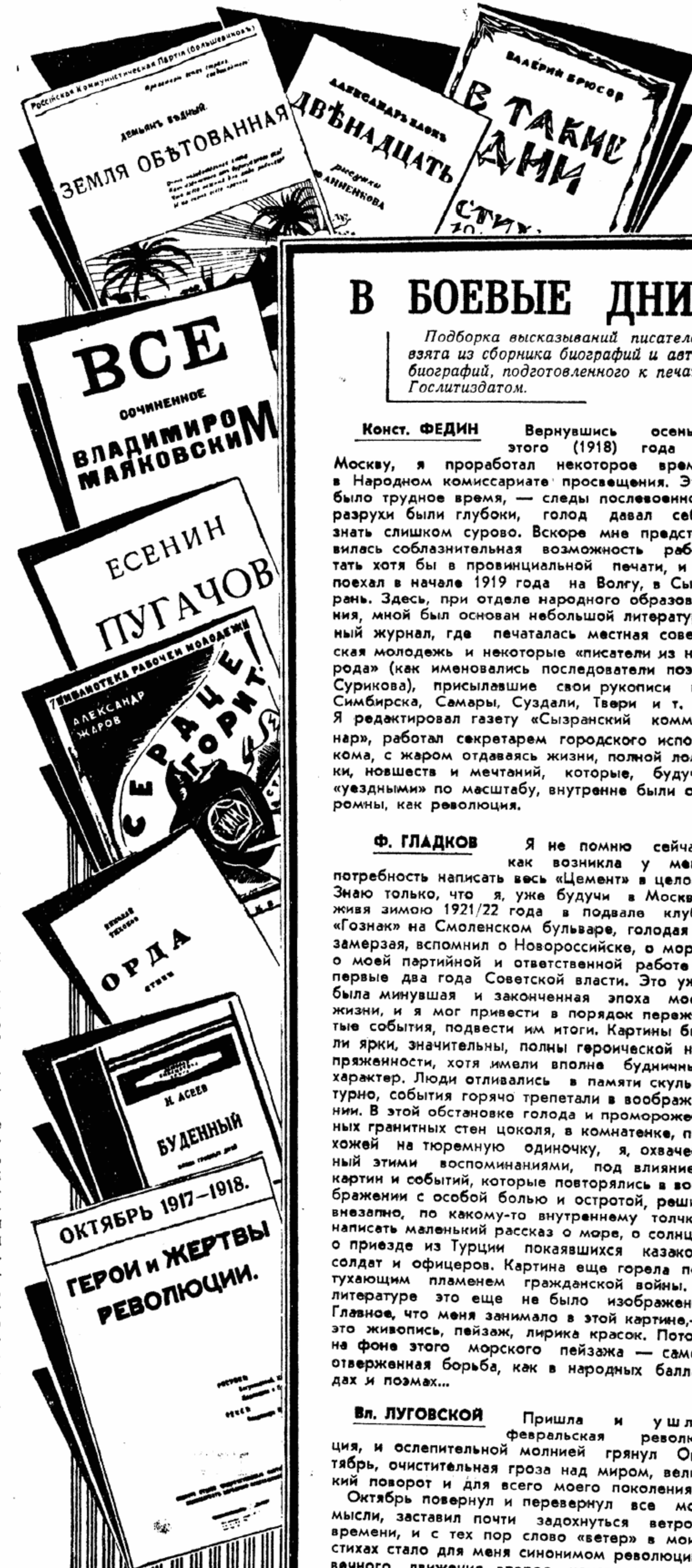
Читая стихи больших и даже безвестных поэтов первых революционных лет, ощущаешь себя как бы у истоков нашей литературы. Как много мы взяли у них, как много они научили нас! Они прокладывали ставшие торными дорожки, они открывали то, что теперь кажется само собой разумеющимся. Поэзия тех лет — это утро, которое предвещало, наинм будет день. Боевым, трудным, но победным! И как бы хорошо, если бы ряды с именами антологий революционной поэзии прошлого вдруг пришла какому-нибудь издателю в голову мысль издать антологию советской (не только русской) поэзии гражданской войны, уделяя в ней главное место не тем, чье творчество широко известно, меряя поэта не общей мерой его значения в литературе, а его местом именно в те незабываемые годы.

В. С. ИВАНОВ

В феврале 1917 года я по-прежнему работал наборщиком в типографии «Народной газеты». Правда, теперь типография наша печатала и другие заказы. Например, каждый вечер разбегались во все стороны, крича: «Экстренный выпуск телеграмм! Последние новости с театра военных действий!» Газета «Пришлись» по-прежнему часто печатала мои рассказы. Газета была бедная, прогрессивная, и я, разумеется, не платил мне ни копейки. Но я все равно был доволен тем, что лежал на горячей газете, и, кроме рассказов, посылал туда много корреспонденций и вел даже целый отдел, который назывался «Курганская жизнь» или что-то в этом роде.

Для справки по делам моей «Курганской жизни» мне приходилось навещать и в канцелярию исправника и даже говорить с самим исправником, что, признаюсь, было довольно неприятно. Это был коренастый мужчина в просторном кителе, от которого постоянно несло почему-то карболкой; взгляд его темных длинных глаз казался безжизненным, и говорил он всегда сухим шепотом; в просторной комнате, где он принимал меня, становилось тесно и слегка страшно, как будто зади тебя могли ударить. Фамилия исправника была, кажется, Иконников.

В начале марта петроградские газеты стали прибывать в Курган с опозданием. Это тревожило. Мобилизо-

В БОВЕНЫЕ ДНИ

Подборка высказываний писателей взята из сборника биографий и автобиографий, подготовленного к печати Гослитиздатом.

Конст. ФЕДИН Вернувшись осенью этого (1918) года в Москву, я проработал некоторое время в Народном комиссариате просвещения. Это было трудное время, — следы послевоенной разрухи были глубоки, голод давал себя знать слишком сурово. Вскоре мне представилась благодатная возможность работать хотя бы в провинциальной печати, и я поехал в начале 1919 года на Волгу, в Симбирск. Здесь, при отделе народного образования, мной был основан небольшой литературный журнал, где печаталась местная советская молодежь и некоторые писатели из народа (как именывались последователи поэта Суринова), присылавшие свои рукописи из Симбирска, Самары, Суздаль, Твери и т. д. Я редактировал газету «Сызранский коммунар», работал секретарем городского исполкома, с жаром отдаваясь жизни, полной локми, новшества и мечтаний, которые, будучи «уздскими» по масштабу, внутренне были огромными, как революция.

Ф. ГЛАДКОВ Я не помню сейчас, как возникла у меня потребность написать «Цемента» в целом. Знаю только, что я, уже будучи в Москве, зимой 1921/22 года в Подвале клуба «Гонимых» на Смоленском бульваре, голодая и замерзая, вспоминаю о Новороссийске, о море, о моей партийной и ответственной работе в первые два года Советской власти. Это уже была минувшая и законченная эпоха моей жизни, и я мог привести в порядок пережитые события, подвести их итоги. Картины были яркие, значительные, полны героической напряженности, хотя имели вполне буднички характер. Люди отличались в памяти скульптурности, события горячо трепетали в воображении. В этой обстановке голода и проморозивших гранитных стен цоколя, в комнатах, покоех на тюремную одиночку, я озабоченный этими воспоминаниями, под влиянием картин и событий, которые повторялись в воображении с особой болью и остротой, решил внезапно, по какому-то внутреннему толчку, написать маленький рассказ о море, о солнце, о приезде из Турции покочившихся казаков, солдат и офицеров. Картина еще горела потухающим пламенем гражданской войны. В литературе это еще не было изображено. Главное, что меня занимало в этой картине, — это живопись, пейзаж, лирика красок. Потом на фоне этого морского пейзажа — самоотверженная борьба, как в народных балладах и поэмах...

В. ЛУГОВСКОЙ Пришла и ушла февральская революция, очистительная гроза над миром, великий поворот и для всего моего поколения... Октябрь повернул и перевернул все мои мысли, заставил почти задохнуться ветром времени, и с тех пор слово «ветер» в моих стихах стало для меня синонимом революции, вечного движения вперед, неуспокоенности, бодрой и радостной силы.

От февраля к Октябрю

Ванное, которых в городе было много, ходили погрязшими в такие думы. А затем прекратились и телеграммы, которые мы печатали в наших «экстренных выпусках». На телеграф говорили: «Телеграммы есть, но задержаны». Как? Почему? Телеграфисты в недоумении разводили руками.

И вот однажды вечером, когда мы уже «шабашили», пришел огромный паучок телеграмм: «Делайте с ними что хотите, но мы их держим больше не в состоянии. Мы жадно прочли телеграммы. Невиданный шум начался в типографии. Путливосские рабочие забастовали! К ним присоединились рабочие других петроградских заводов. Появились баррикады. Павловский полк перешел на сторону восставших. Городовых и «филеров» пулями сшибают с чердаков. На баррикадах — красные знамена. Среди баррикад и ликующих толп народа бегают мальчишки и продают новую газету со странным, непривычным названием: «Ижевский». Как приятно слышать звонкое название газеты революции!

Из prevalence союза сибирских маслодельных артелей прибегали взволнованные конторщики; среди них были и политические сыщики: «Телеграммы немедленно печатать. Само правление в растерянности: говорят, будто на подавление петроградского восстания двинуты войска с фронта...»

— Нам надо поддержать революцию!
И мы решили — поддержать.
Мы набрали телеграммы крупным шрифтом с тем, чтобы печатать их на бумаге афишного размера. Поздно вечером, с наслаждением окончив набор телеграмм, сверстав их, пустив в машины и выправив корректуру, я вышел на крыльцо типографии, чтобы подышать свежим воздухом. Я был чрезвычайно взволнован, мне было душно, голова кружилась.

Крыльцо типографии выходило во двор, который был окружен высоким забором с плотно закрытыми на замочек воротами: набрав без разрешения начальства телеграммы, мы чувствовали себя революционерами и заперлись. Великолепная луна сияла в небе, а над луной лежало похотоме облачко, похожее на баранью татарскую шапку. Синие высокие сугробы упирались в забор. Ветер не дул, улица за забором не шумела, а дух другого места приятнее этого и нет состояния — нет лучше того, которое я испытывал!

Вдруг я услышал шаги у ворот и какой-то шорох. Я исторжился. В сенях лежал толпой, которым сторожа колони луну для растопки печи. Я на всякий случай взял топор в руки и стал чувствовать себя еще великодушней.

На веру забора показались лица — и знакомое и незнакомое.

Оно еще совсем недавно было таким строгим, почти страшным! А теперь... от него остались только шлоп. Исправник Иконников шептал: — Господи Иванов! Правда ли, что типография получила невероятные телеграммы? Правда ли, что государь отрекся от престола? Во мне всегда билась театральная жилка человека, любящего эффекты. Сказав исправнику: «Подождем», ушел в типографию, откуда принес большой афишный лист.

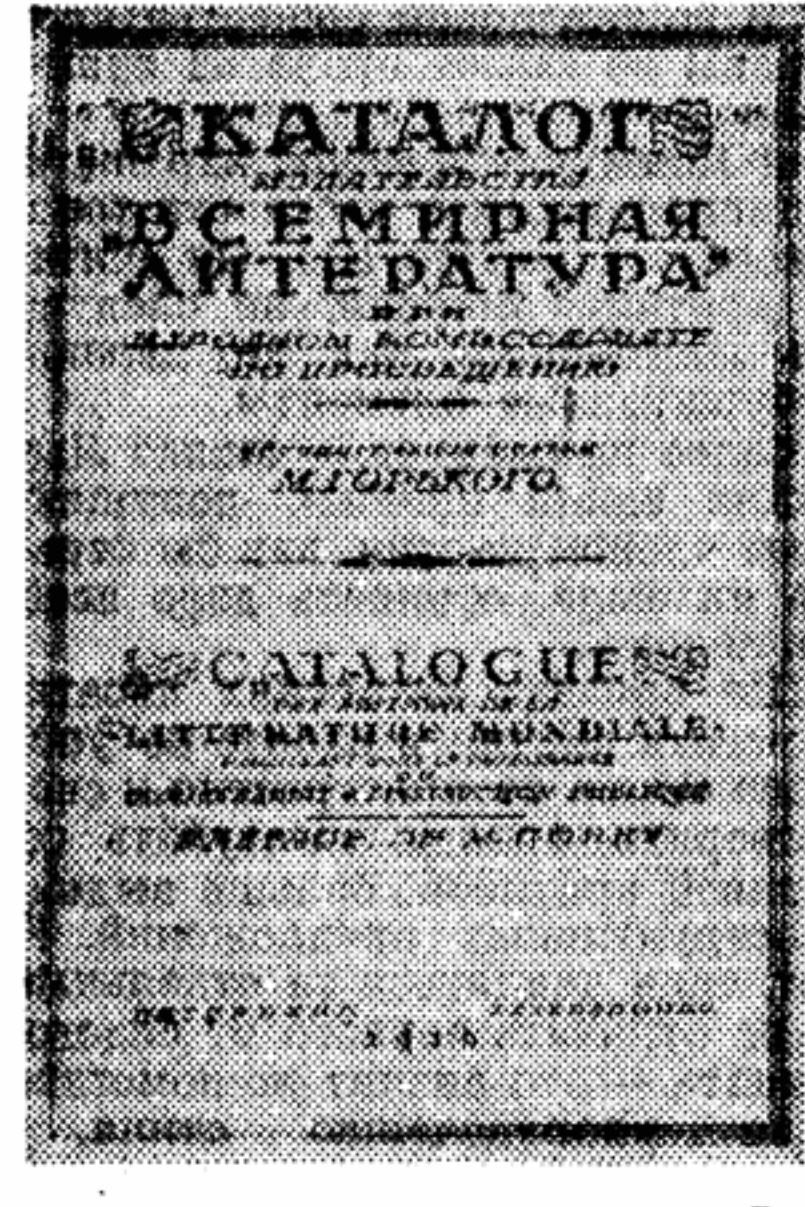
— Видите, — сказал я, — что сообщают «Ижевский»? «Ижевский»? — прошептал исправник с ужасом, и добавил неизвестно почему: — Конечно, если уж «Ижевский» сообщают, то...

Я испытал громадное удовольствие. Прочитав до половины «экстренный выпуск» и прошептав эле удивительным шепотом «господи», страшный исправник Иконников упал в сугроб. Он был в обороте.

И с какой радостью раскрыли мы два через тридцать первый номер «Ижевский»!

Обложка романа Федора Гладкова «Цемента», изданного в Ките подпольной коммунистической типографией (Шанхай, 1929 год).

«У нас в издательстве «Восточная литература» образована секция исторических картин. Возник, видите ли, план: создать большую серию драматических картин и сценариев для кинематографа из истории культуры всех народов и веков. Да-с, не мешайте. Начиная с первобытных времен и до девятнадцатого столетия.»

М. ГОРЬКИЙ

В прозе и поэзии двадцатых годов явны были и унаследованные от прошлого реалистические принципы, и новые их использование, и героико-романтические устремления, и поиски нового в различных направлениях (в том числе и в любовных), и чужеродные влияния, идущие от чуждой советской литературе традиций декадентства, натурализма и т. п.

Наиболее оживленные споры кипели все же вокруг проблемы положительного героя нашей эпохи.

Уже в 1922 году Ю. Либединский, работая над повестью «Неделя», сознательно полемизировал с Б. Пильняком. Позднее он признавался: «Вот какой ты видишь революцию, — мысленно говорил я Пильняку, — а она вот какая. Тебе уездный городишко в наши дни представляется кошмарным свистком, и ты это свисток принимаешь за реверюцию, а он — этот уездный городишко — овеи ветрами классовой борьбы, овеи всей мировой революцией, он сейчас наизготове терпичен — вот они, эти герои современности.»

Недавно К. Федин тоже говорил об этом, вспоминая о первых шагах советской прозы. «... Где герой современности? — вопрос этот все резче ставился перед писателями. Он и был главным вопросом». На этот вопрос хорошо ответил Фурманов.

«Фурманов дал критике первую твердую опору в ее требованиях к писателям показать героя нового времени, — опору искомого и должного в советской литературе.»

Утверждение нового положительного героя происходило в спорах, в острой идеологической борьбе. Ведь и в стране тогда шла острая классовая борьба. Решался вопрос — «кто ногой?», и социализм мог победить, только преодолевая упорное сопротивление враждебных сил.

В литературе это проявлялось в борьбе группировок, в борьбе литературных принципов. Постепенно обнаруживалась несостоятельность тех литературных тенденций, которые уводили в сторону от правильного понимания жизни советского общества.

Появились новые темы. Широкие отклики читателей в 1925 году получил роман Ф. Гладкова «Цемента». Та же тема вдохновенного социалистического труда прозвучала и в повести Н. Ляшко «Доменная печь».

О советской деревне, о деревенском комсомоле написали А. Жаров («Гармонь»), М. Иса-

ковский («Провода в соломе»), противопоставляя свои стихи стихам певцов «кондовой, избяной» старой Руси, вроде Клюева и Клычкова. Крепла и росла пролетарская литература. Мутные волны бульварщины и натурализма, возникшие как накипь нап, стали спадать в середине двадцатых годов.

Оживленная дискуссия о «есенинщине», в которой приняли участие многие поэты во главе с Маяковским, позволила определить сильные и слабые стороны поэзии Есенина, разоблачить подражателей и эпитонов «Москвы кабацкой».

Другая дискуссия — о повести Ю. Олеши «Зависть» — позволила многое выяснить в вопросе о характере мировоззрения советского писателя, уточнить стилевые особенности нового реализма.

Раньше других распалась группировка «Серапионовых братьев», в рамках которой не могли уместиться творческие индивидуальности выросших талантливых советских писателей.

Затем во второй половине двадцатых годов Маяковский поврал с группой «Лев», распалась группа «Перевала», конструктивистов, «Кузницы».

В условиях перехода страны к социалистической индустриализации Центральный Комитет Коммунистической партии в 1925 году принял резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». Партия призвала советских писателей стать активными участниками строительства социализма, не замыкаться в узкие рамки своих организаций, внимательно изучать культурное наследие прошлого, бороться за создание действительно массовой литературы, «используя при этом гигантский материал современности». Это постановление партии явилось конкретной программой для советских литераторов.

Лучшие советские писатели горячо отозвались на это постановление, положили его в основу своей деятельности. О том, как встретили наши писатели призывы партии, свидетельствуют их отклики на резолюцию Центрального Комитета. А. Толстой писал:

«Современным художникам предъявлено огромное требование — создать пролетарскую литературу, или, иными словами, включить в кристаллы искусства поток современности. Как безусловно и неумолимо человечество пройдет через революцию пролетариата, так ли-

тература неотвратимо будет приближаться к массам... Художник должен стать органическим соучастником новой жизни. На нас, русских писателей, падает особая ответственность. Мы первые...»

В своем отклике на резолюцию Центрального Комитета писатель-коммунист Ф. Гладков, отмечая великую роль нашей партии в развитии советской литературы, справедливо указал на одну из важнейших задач, стоящую перед советскими литераторами.

«Я убежден, — писал Ф. Гладков, — что мы идем к созданию единой революционной литературы, которая будет расти и крепнуть под непосредственным руководством партии. Подлинным писателем современности может быть только тот, кто способен глубоко чувствовать бичение пульса нашей эпохи, кто вжил в нее, кто способен не только объяснить ее, но и ее образовать, не только жить настоящим, но и уметь видеть будущее...»

Вооруженная конкретной программой, советская литература под руководством Коммунистической партии добилась больших успехов в своем развитии.

История подтвердила правильность этого постановления ЦК партии. Чем более наглядными становились успехи социалистического строительства, тем более крепились достижения молодой советской литературы.

Творчество крупнейших советских мастеров прозы и поэзии развивалось в направлении все большего сближения с жизнью.

Опубликовал свои новые произведения А. Толстой, продолживший по возвращении на Родину работу над трилогией «Хожение по мукам». Напечатаны были ранние рассказы М. Шолохова, готовившего первый том «Тихого Дона».

М. Горький, живя в Сорренто, поддерживал интенсивную переписку с советскими писателями и читателями, давал советы, оценивал литературные новинки, учил, руководил.

Его повесть «Дело Артамоновых» явилась крупнейшим событием тогдашней литературной жизни.

Поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» стали виднейшими вехами развития советской поэзии.

Рядом с Маяковским встали его поэтические современники и соратники Н. Асеев, Н. Тихо-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Восемь лет отделяют нас от II Всемирного фестиваля молодежи и студентов, от тех августовских дней 1949 года, когда гостеприимный Будапешт принимал у себя тысячи зарубежных юношей и девушек из 82 стран мира. Восемь лет... У будапештцев еще свежи в памяти красочные фестивальные концерты, игры, карнавалы, шествия, дружеские встречи с зарубежными гостями.

И вот теперь, восемь лет спустя, венгерская молодежь готовится к московскому фестивалю. За эти годы выросло новое поколение, но и «ветераны» — участники II фестиваля еще не старелись. Многие из них приедут в Москву, снова встретятся со своими друзьями из разных стран.

В доме № 6 по улице Арада, где разместился Национальный комитет по подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи, мы познакомились с целой группой таких «ветеранов».

Вот 28-летний Ласло Ипач. В будапештском фестивале он участвовал как представитель рабочей молодежи. Сейчас он является членом Подготовительного комитета. Он с воодушевлением говорит о предстоящей поездке в Москву, как о второй большой награде для него.

Видя, что его не совсем понимают, Ласло поясняет: — Да, это моя вторая награда. Первой была медаль, которую я получил за участие в подавлении контрреволюции.

Сверстник Ласло — Йозеф Пинтер за восемь лет прошел путь от шахтера до ответственного работника Венгерского коммунистического союза молодежи, созданного три с половиной месяца тому назад. Сейчас Йозеф — один из деятельных организаторов подготовки венгерской молодежи к фестивалю в Москве. Он уже бывал в Советском Союзе, но предстоящая поездка его волнует не меньше, чем Ласло Ипача.

Подготовительный комитет ведется большая, напряженная работа. Уже определен состав венгерской делегации. В Москву поедет свыше тысячи юношей и девушек, из них около двухсот спортсменов и 211 участников художественной группы.

На фестивале выступит молодежный хоровой ансамбль имени Петефи, который на берлинском фестивале был удостоен второй премии, две танцевальные группы, два оркестра народных инструментов, эстрадный оркестр и многочисленные солисты.

В стране проходят молодежные музыкальные конкурсы, открыта выставка изобразительного искусства, фотовыставка. Победители конкурсов и выставок получают право поехать на фестиваль.

Побывать в Москве — столичные Советы Советского Союза — мечта многих и многих. Один молодой рабочий Челябинского металлургического комбината сказал нам: — Если бы в Москву можно было поехать каждому, у нас не хватало бы поездов, чтобы отправить всех.

А его товарищ заметил: — Была бы только возможность, мы доорались бы и пешком.

Венгерская рабочая молодежь решила ознаменовать московский фестиваль трудовыми успехами. На фабриках и заводах Будапешта, Диошера, Шопрона, на шахтах Табаныи, на нефтепромпасах в области Зала и на многих других предприятиях и новостройках развернулось социалистическое соревнование молодежных бригад. Участники соревнования борются за быстрейшую ликвидацию последствий контрреволюции, за всемерный подъем производительности труда, за увеличение выпуска продукции.

Мы побывали у чепельской молодежи. Ей выпала большая честь: комсомольская организация Московского автозавода имени Лихачева пригласила 50 молодых рабочих Чепель в Москву на фестиваль. Чепельские поедут в Москву мотоциклистами, полами, среди них — фрезерный станок, швейная машина, мотоцикл и велосипед. Эти подарки изготовляются за счет экономии материалов в нерабочее время и будут отличаться тщательностью отделки.

На стекольных и фарфоровых заводах страны молодежь готовится к фестивалю в качестве выставочных экспонатов. Многие молодые мастера, кубки, чайные приборы и много других вещей. Молодые шахтеры Табаныи хотят послать в Москву модели вагонов и шахтерские лампочки. Молодцы города Веспрем решили соорудить к фестивалю действующую модель корабля.

Мы могли бы перечислить и сотни других оригинальных подарков, но нас попросили не разглашать «секреты», так как подарок, о котором заранее известно, перестает быть сюрпризом.

В составе венгерской делегации — много юношей и девушек, показавших себя в дни контрреволюционного мятежа подлинными патриотами. Среди них — уже известные советской молодежи защитники Будапештского горкома партии Йозеф К. Фаркаш и Лайош Берта Шомоди, которых здесь называют «воскресшими из мертвых», так как они считались погибшими, но в действительности оказались тяжело ранеными и поправились благодаря народной заботе. В Москву поедет и Шандор Сабо, который отличился при защите Будапештской радиостанции.

Мы беседовали с Йозефом Фаркашем и Шандором Сабо.

— Я никогда не был в Москве, — говорит Фаркаш, — и счастлив, что наконец побываю в вашей столице. Меня интересует, как молодежь разных стран оценивает венгерские события. Я хочу рассказать своим зарубежным друзьям правду о том, что произошло в Венгрии в октябре-ноябре прошлого года.

Шандор Сабо сказал нам: — Я расскажу в Москве своим зарубежным товарищам, что в Венгрии много, очень много честных людей, до конца преданных народной власти и социализму.

Д. БОЧАРОВ

БУДАПЕШТ, 5 июля. (По телефону)

Восемь лет отделяют нас от II Всемирного фестиваля молодежи и студентов, от тех августовских дней 1949 года, когда гостеприимный Будапешт принимал у себя тысячи зарубежных юношей и девушек из 82 стран мира. Восемь лет... У будапештцев еще свежи в памяти красочные фестивальные концерты, игры, карнавалы, шествия, дружеские встречи с зарубежными гостями.

И вот теперь, восемь лет спустя, венгерская молодежь готовится к московскому фестивалю. За эти годы выросло новое поколение, но и «ветераны» — участники II фестиваля еще не старелись. Многие из них приедут в Москву, снова встретятся со своими друзьями из разных стран.

В доме № 6 по улице Арада, где разместился Национальный комитет по подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи, мы познакомились с целой группой таких «ветеранов».

Вот 28-летний Ласло Ипач. В будапештском фестивале он участвовал как представитель рабочей молодежи. Сейчас он является членом Подготовительного комитета. Он с воодушевлением говорит о предстоящей поездке в Москву, как о второй большой награде для него.

Видя, что его не совсем понимают, Ласло поясняет: — Да, это моя вторая награда. Первой была медаль, которую я получил за участие в подавлении контрреволюции.

Сверстник Ласло — Йозеф Пинтер за восемь лет прошел путь от шахтера до ответственного работника Венгерского коммунистического союза молодежи, созданного три с половиной месяца тому назад. Сейчас Йозеф — один из деятельных организаторов подготовки венгерской молодежи к фестивалю в Москве. Он уже бывал в Советском Союзе, но предстоящая поездка его волнует не меньше, чем Ласло Ипача.

Подготовительный комитет ведется большая, напряженная работа. Уже определен состав венгерской делегации. В Москву поедет свыше тысячи юношей и девушек, из них около двухсот спортсменов и 211 участников художественной группы.

На фестивале выступит молодежный хоровой ансамбль имени Петефи, который на берлинском фестивале был удостоен второй премии, две танцевальные группы, два оркестра народных инструментов, эстрадный оркестр и многочисленные солисты.

В стране проходят молодежные музыкальные конкурсы, открыта выставка изобразительного искусства, фотовыставка. Победители конкурсов и выставок получают право поехать на фестиваль.

Побывать в Москве — столичные Советы Советского Союза — мечта многих и многих. Один молодой рабочий Челябинского металлургического комбината сказал нам: — Если бы в Москву можно было поехать каждому, у нас не хватало бы поездов, чтобы отправить всех.

А его товарищ заметил: — Была бы только возможность, мы доорались бы и пешком.

Венгерская рабочая молодежь решила ознаменовать московский фестиваль трудовыми успехами. На фабриках и заводах Будапешта, Диошера, Шопрона, на шахтах Табаныи, на нефтепромпасах в области Зала и на многих других предприятиях и новостройках развернулось социалистическое соревнование молодежных бригад. Участники соревнования борются за быстрейшую ликвидацию последствий контрреволюции, за всемерный подъем производительности труда, за увеличение выпуска продукции.

Мы побывали у чепельской молодежи. Ей выпала большая честь: комсомольская организация Московского автозавода имени Лихачева пригласила 50 молодых рабочих Чепель в Москву на фестиваль. Чепельские поедут в Москву мотоциклистами, полами, среди них — фрезерный станок, швейная машина, мотоцикл и велосипед. Эти подарки изготовляются за счет экономии материалов в нерабочее время и будут отличаться тщательностью отделки.

На стекольных и фарфоровых заводах страны молодежь готовится к фестивалю в качестве выставочных экспонатов. Многие молодые мастера, кубки, чайные приборы и много других вещей. Молодые шахтеры Табаныи хотят послать в Москву модели вагонов и шахтерские лампочки. Молодцы города Веспрем решили соорудить к фестивалю действующую модель корабля.

Мы могли бы перечислить и сотни других оригинальных подарков, но нас попросили не разглашать «секреты», так как подарок, о котором заранее известно, перестает быть сюрпризом.

В составе венгерской делегации — много юношей и девушек, показавших себя в дни контрреволюционного мятежа подлинными патриотами. Среди них — уже известные советской молодежи защитники Будапештского горкома партии Йозеф К. Фаркаш и Лайош Берта Шомоди, которых здесь называют «воскресшими из мертвых», так как они считались погибшими, но в действительности оказались тяжело ранеными и поправились благодаря народной заботе. В Москву поедет и Шандор Сабо, который отличился при защите Будапештской радиостанции.

Мы беседовали с Йозефом Фаркашем и Шандором Сабо.

Молодая поэтесса Г. Миловидова, выпускница Литературного института, написала поэму о Кларе Цеткин, где рассказывается о последней поездке великой революционерки в Германию в 1932 году. В напряженной атмосфере в период, когда фашисты рвались к власти, Цеткин, как член рейхстага, произнесла с его трибуны речь, обращенную к трудящимся Германии. В этой речи она предупредила их об опасности фашизма. Речь Клары Цеткин была актом выдающегося мужества и преданности революционному делу.

Клара Цеткин на трибуне

Резное кресло высится, как трон,
Но кто сегодня будет председателем!
В молчанье зал рейхстага погружен,
И тишина как будто наблюдатель...
...Дверь распахнулась.

Под руки ведут
Две женщины седую Клару.
Она пришла, и на трибуне — тут!
Не ей сейчас лежать больной и
старой.
В борьбе ни молодых, ни старых
нет, —
Она борец и в семьдесят пять лет!
Коммунизма приветствует ее
Как своего вождя и депутата.
Рабочих делегация встает,
И трижды раздаются клич крылатый,
Тот клич, что раздвигает горизонт:
«Рот фронт!»

Беснуется фашизм: как она
Сюда прийти посмела и сумела!
Как полицейские Клара стена
Кажим-то чудом Клару проглядела!
...Глаза тревожным материнским
взглядом
Из-под бровей приподнятых глядят,
Ей видятся рабочие отряды, —
И в будущее смотрит этот взгляд.
И Цеткин начинает говорить,
Не только, чтобы сессию открыть,
Как то дано старейшему по праву,
И речь ее не к центру! и не
к «правым», —
Сквозь стены Клара обращает речь
К трудящимся, чтоб их предостеречь.
Перо не хватает ей дышать
И страх в глазах, — о нет, не пред врагом! —
В ее душе сейчас одно желание:
Закончить речь, а если смерть — потом!

Клара Цеткин
И разнеслись стремительно по свету
Прозвучавшие слова:
«Еще надеюсь я по праву
старшинства
Открыть здесь Всемирный съезд
Советов!»
Г. МИЛОВИДОВА

ЗАМЕТКИ О КОНФЕРЕНЦИИ НА ДАУНИНГ-СТРИТ

Знаменитая лондонская Даунинг-стрит, в течение многих поколений являвшаяся символом имперской власти, последние дни украшена яркими, разноцветными флагами. Здесь, на Даунинг-стрит, 10 (официальная резиденция британского премьер-министра), завершается свою работу конференция премьер-министров стран Британского содружества наций. Четыре флага принадлежат странам Азии и Африки, народы которых победили в борьбе за независимость. Эти флаги напоминают англичанам об одном обстоятельстве, которое им все еще трудно осознать, а именно: в двери «клуба», именуемого Содружеством наций, громко звучат Нигерия, Вост-Индия и Малайя... И скоро люди белой расы перестанут составлять в этом «клубе» большинство. Хотя консерваторы по-прежнему стремятся сохранить колониальный режим, применяя силу и все внутренние ресурсы, они понимают, что господству белых приходит конец.

Накануне конференции консерватор лорд Хэйлшем призвал англичан коренным образом изменить привычные представления, если они не хотят, чтобы «клуб» Содружества наций постигла печальная участь, — недаром Содружество наций называют браком без любви и сравнивают с картонным домиком.

Руководители стран Британского содружества наций, участвующие в конференции, были тепло приняты королевой — номинально она глава «клуба» и некое символическое связующее звено между его членами; однако английская печать не может скрыть того, что существуют много противоречий как между отдельными членами Содружества наций, так и между всеми ними, с одной стороны, и Англией — с другой.

Премьер-министр Макмиллан пытался убедить присутствующих на конференции представителей стран Африки и Азии в разумности «оборонных» планов Англии. Известно, однако, что все эти государства, за исключением Пакистана, входящего в багдадский пакт, отличаются сильными нейтралитетскими тенденциями. Первой задачей Макмиллана состояла в том, чтобы скрыть от посторонних глаз «семейные неурядицы», вызванные в Содружестве наций сущей авантюрой, и успокоить членов «семейства». (Как известно, этот агрессивный акт, на который английское правительство пошло, не посоветовавшись даже с «белыми» доминионами, вызвал такое

возмущение, что «клуб» Содружества наций едва не распался. В этом Микмиллан преуспел. Он оказался, по выражению газеты «Манчестер гардиан», весьма ловким дельцом, умеющим уговаривать клиентов. Индийский премьер-министр Неру, не скрывая тревоги, выразил все же надежду на то, что больше подобные вещи не повторятся. Неру добавил, что багдадский пакт продолжает вызывать напряженность на Среднем Востоке.

Залага новую военную стратегию Англии, основанную на водородной бомбе, Макмиллан воячески стремился оправдать создание крупных атомных баз в Сингапуре, Кении и других отдаленных местах ссылкой на усиление советского влияния и на «советские замыслы» на Среднем и Дальнем Востоке.

Лондонская газета «Таймс» была права, предсказывая, что проблема термоядерного оружия, его производства и применения будет черной тенью нависать над конференцией. Индия и Цейлон согласились с точкой зрения лейбориста Эньюрина Бивена, который осудил водородную бомбу. Они вновь энергично потребовали запретить термоядерное оружие и прекратить его испытание, подкрепив, что только такой курс поможет спасти демократию.

План создания военной базы в Кении был с восторгом встречен расистским правительством Южно-Африканского Сою-

В лондонском Гайд-Парке. Жители английской столицы протестуют против проведения атомных испытаний. Снимок из французской газеты «Либерасьон»

что вы видели в Советском Союзе. Вы же все, что вам показывали, называете «очковитательством». Ни в Ленинграде, ни в Москве, ни в Ялте, ни в Сочи вам, видите ли, не дали возможности посмотреть, как живут люди в Советском Союзе. Вас возили якобы только туда, куда угодно было переводчику, а все, что вы видели, — специально выставлено напоказ. Вы ставите под сомнение наши завоевания в области культуры, образования, здравоохранения. По-вашему, все это — средство для «втирания очков» иностранцам. Вы побывали в крупнейших городах Советского Союза, ходили по их широким улицам с их новыми красивыми домами. Неужели вы все еще полагаете, что это построено специально для обмана вас, иностранцев? Конечно же, вы так не думаете. Так зачем же вы стремитесь обмануть своих читателей?

Вот характерный пример ваших приемов. Вместе с другими туристами вы побывали в ленинградском Дворце пионеров. Вы пишете: «В одном из залов висит две люстры из венецианского стекла высотой в двадцать футов, которые дрожат от громкого сказанного слова. Предполагается, что русские дети могут здесь свободно играть». Действительно, там были дети. Но я позволю себе усомниться, что их игры были непосредственными, что речи, песни и танцы, которым нас угощали, не были тщательно отрепетированы». Так, одним махом вы олевываете то, чем гордятся советские люди, — наши Дома пионеров, где дети проводят немалую часть своего времени. Вы, хотя и не говорите этого прямо, стараетесь внушить мысль, что дети там не могут «свободно играть», что даже их досуг регламентирован свыше. Конечно, никто не разрешит ребятам в зрелом зале, о котором вы говорите, играть, скажем, в футбол. Вы это сами

ва по той же самой причине, по которой он вызвал тревогу у других стран Азии и Африки: он означает, что отныне Англия сможет принимать еще более активное участие в подавлении народов этого района земного шара. О дальнейшей координации военных усилий Англии и Южно-Африканского Союза свидетельствует проект строительства стратегической магистрали Кейптаун—Найроби протяженностью в 3 500 миль. Самой Кении такая база сулит увеличение ее колониальной зависимости, не говоря уже о том, что в случае войны населению страны грозит гибель.

Страны Азии и Африки, входящие в Британское содружество наций, возражают также против намерения создать базу атомного оружия в Сингапуре, находящемся в пределах Малайи, которой Англия обещала предоставить независимость в нынешнем году при условии, что страна неопределенно время будет оккупирована английскими войсками. Правительство Австралии, напротив, всячески добивается гарантии, что этот план будет осуществлен.

«Манчестер гардиан» высказывает за сокращение числа баз западных держав на Дальнем Востоке, но отмечает, что для Англии свобода маневрирования ограниченна, ибо англичане связаны определенными обязательствами с системой военных приговоров США, охватывающей весь мир.

Что касается проблемы увеличения английских капиталовложений в странах Содружества, то ее обсуждение, как и предсказала газета «Файензтаймс», не дало результатов — казна Англии истощена изощро авантюрой. Возможно, весной будут проведены более конкретные переговоры по этому вопросу. Но, по-видимому, слаборазвитым странам, входящим в Содружество наций, нечего рассчитывать на приток средств из Лондона. Английский империализм долго высасывал соки из Индии, Цейлона, Ганы, тормозя их развитие и продвижение по пути к независимости. Разумеется, он не станет помогать этим государствам в создании национальной промышленности, чтобы они не сделали его конкурентами.

Еженедельник «Обсервер», касаясь проблемы капиталовложений в Гане, утверждает, что если предоставить этой стране слишком много денег в чересчур короткий срок, то это якобы может совершенно подорвать ее социальную жизнь и создать идеальную почву для коммунизма. Однако, как писал Бивен в журнале «Трибюн» 28 июня, промышленный и технический переворот, осуществленный в таких странах частной инициативой, вызвал бы великое множество абсолютных неразрешимых проблем. Путь

го тивиона понимает. Конечно, дети должны приветствовать, тщательно изучив песни, танцы, чтобы показать их своим гостям. Разве я, или кто-нибудь другой, вам говорил что-нибудь обратное? Но ведь это вовсе не значит, что пионеры не могут свободно заниматься, чем они хотят, не могут развивать свои таланты? Ведь в Домах пионеров существуют десятки кружков. Но вы этим даже не интересовались. Для вас Дворец пионеров — просто «очковитательство».

Итак во всем. Увидев и сфотографировав несколько старых неприглядных домов, вы ликуете по этому поводу. Вам, видите ли, удалось обмануть переводчиков, якобы пытавшихся скрыть от вас недостатки нашей жизни. Этой теме вы посвящаете чуть ли не целую статью. Неужели вы не знаете, какие жертвы понес наш народ во время последней войны, каким разрушениям подверглись наши города и села? Ведь всякий добросовестный человек, давший себе труд подумать об этом, не стал бы так ликовать при виде нескольких старых домов.

традиционного капитализма — даже если бы он привлекал эти государства — для них закрыт. Если Англия в своей финансовой политике не будет учитывать этого обстоятельства, пишет Бивен, то Содружество наций распадется.

Из всех участников конференции особое внимание притягивает Кваме Нкрума — премьер-министр Ганы. Все газеты поместили фотографию Нкрума в зелено-золотой африканской тоге. Впервые негр заседает, как равный, с другими премьерями на Даунинг-стрит! 10! Нкрума как бы символизирует новую эру в истории Содружества наций — эру, которая многим не по вкусу, тем не менее, это действительность.

Выступая на официальном завтраке перед 350 английскими и иностранными корреспондентами, Кваме Нкрума подчеркнул, что Гана должна найти и найти способ верить дела по-своему, по-африкански. А пока, добавил он, надо посмотреть, каково Содружество наций в действительности, прежде чем высказывать свое суждение о нем. Он сообщил, что первой его целью — получить средства для строительства большой гидроэлектростанции на реке Волта и что если он встретит отказ со стороны Англии и США, то, судя по всему, он готов обратиться к другим источникам.

Английская печать умышленно умаляет значение выступлений Неру и той роли, какую он играет в международном движении за мир и нейтралитет. По пути в Лондон Неру встретил восторженный прием в Скандинавии. В своих выступлениях в Лондоне премьер-министр Индии, как обычно, придерживался умеренной линии, касаясь «огнеопасных» проблем. Говоря об Индии, Неру подчеркивал, что его основная задача — всячески способствовать превращению в жизнь пятилетнего плана. Неру отметил, что, как он убедился, большинство англичан об этом плане даже не слышали. На Даунинг-стрит, 10, его усиленно заверяли в том, что у английского консервативного правительства проблемы Индии, Цейлона и Ганы вызывают сочувственный интерес.

ЛОНДОН, 5 июля. (По телефону)

Варшава, Краков, Познань...

Вот уже более месяца гастролирует в Польше Ленинградский театр миниатюр. Мы связались по телефону с руководителем театра, народным артистом республики Аркадием Райкиным и попросили его рассказать о гастроллах в Польше.

Наш театр впервые выступает за пределами «Родины. Впервые мы встретились со зрителями, которые говорят на другом языке. «Поймут ли они нас?» — волновались «ата», на Западе в капиталистическом мире, выезжая в Польшу. Но все опасения оказались напрасными. Польские зрители любят сатиру, дружно смеются и от души аплодируют.

Мы показываем новый спектакль «Белые кони», в котором столько же старших программ. Многие недостатки, волнующие наш народ, волнуют и сидящих в зале польских зрителей. Ведь в Польше тоже есть свои бюрократы, спекулянты, взяточники, великие лгуны, которые мешают жить и работать трудовому человеку.

Наша польская аудитория, по отзывам зрителей, впечатлена, например, сцена, где разоблачается зловещий и ретроградный, которому нравятся все, что делается «там», на Западе, в капиталистическом мире. Оказавшись, такой тип хорошо знаком польской публике. Одна сцена, где я изображаю походку различных людей, заканчивается походкой, и которой с тревогой прислушиваются все, кому дорог мир: это шаг «вермахта», он доносится из западной Германии. Зал замирает на несколько мгновений, потом бурно аплодирует. Сидящие в зале, как и все народы Земли, хотят мира.

Польский зритель проявляет огромный интерес к нашему театру. После спектакля зрители не расходятся и долго аплодируют. Во время спектакля широко проявляются дружеские чувства, любовь к нашей стране, и это доставляет нам большое удовольствие. Всяду, где бы мы ни были — в Варшаве или Познане, Лодзи, Катувихах или Кракове, — нас встречают радушно и гостеприимно как представителей советского искусства.

На одном из спектаклей во Вроцлаве нас приветствовали товарищи по искусству и представители общественности города. Ваши спектакли слушат делу укрепления польско-советской дружбы, — говорили они.

Ваша программа была с самой высокой оценкой нашей работы. Аркадий РАЙКИН, народный артист РСФСР, ВРОЦЛАВ, 5 июля. (По телефону)

КИТАЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ ДАЮТ ОТПОР ПРАВЫМ

За последнее время в Китае широко развернулась критика антисоциалистических взглядов и действий правых элементов, которые пытаются использовать движение за упорядочение стиля в работе для нападок на партию и диктатуру пролетариата.

Газета «Женьминьжибао» опубликовала в последнее время выступления трех видных китайских писателей — Мао Дуня, Ба Цзиня, Ляо Ша.

В статье «Расцвет, дискуссии и критика» Мао Дунь пишет: «Борьба с правыми элементами является неотъемлемой частью движения за «расцвет ста цветов» и «соперничество ста школ». Нет ничего удивительного в том, что в процессе расцвета и соперничества могут возникнуть антисоциалистические, ошибочные взгляды. Критика подобных ошибок нужна именно для того, чтобы движение развивалось правильно».

Далее Мао Дунь отметил, что идеологическая война, которую затеяли правые элементы, ведется полными средствами. Прибегая к извращениям фактов и раздувая недостатки, они сконцентрировали свой огонь на патриотах-активистах, пытаясь запугать их и подорвать их авторитет в народе.

Мао Дунь пишет, что правые элементы, чрезмерно преувеличивая отдельные отрицательные явления, стремятся ослабить доверие масс к компартии, поколебать веру народа в социализм и сбить таким образом с пути неунывающих и колеблющихся. Но в конце концов эти элементы разоблачили себя, открыто выступили против руководства компартии. Правые уклонисты, продолжает Мао Дунь, обманывают самих себя, закрывая глаза на исключительно важные успехи, достигнутые за прошедшие восемь лет.

«Антисоциалистические идеи, — пишет в заключение Мао Дунь, — разоблачены и подверглись критике... Но подлинный расцвет и соперничество возможно лишь наряду с упорной борьбой против чуждых течений...».

В статье «Китайский народ пойдет только по пути социализма» Ба Цзинь, остановившись на проблеме «соперничества ста школ» и «расцвета ста цветов», пишет, что еще недавно некоторые опасались, что они не смогут правильно определить, какие травы относятся к ядовитым. «Сейчас», — продолжает писатель, — факты подтвердили, что эти опасения были излишними. К какой бы тактике ядовитые травы ни прибегали, появившись, они сразу же обнаруживают свою сущность».

Ба Цзинь резко критикует антисоциалистические взгляды правых: «Правые элементы поднимают высокую партию партийного руководства. Их цель ясна — они хотят свернуть на путь капитализма. Понятно, что руководство Коммунистической партии не может им. Партия ведет нас к социализму и коммунизму. И китайский народ непременно пойдет по пути социализма».

«Ядовитые травы могут нанести вред нашей работе, — пишет далее Ба Цзинь, — нашему строительству. Если в процессе «соперничества» и «расцвета» и появятся ядовитая трава, мы должны с корнем вырвать ее, нельзя предоставлять ей возможность вырастать. В нашем новом обществе ядовитые травы не имеют права на существование».

О роли Коммунистической партии, о ее принципиальности и честности говорит в своей статье Ляо Ша. Он считает, что критика ошибочных, не следует отрицать достижения, как это делают правые буржуазные элементы.

«Тем более не следует, — пишет Ляо Ша, — из-за одной ошибки, допущенной одним членом партии, как бы серьезна она ни была, отрицать дело всей партии в целом».

Ляо Ша призвал китайских писателей «помогать партии в работе по упорядочению стиля, беспристрастно и спокойно говорить правду, выступать со справедливыми критикой, больше выдвигать конструктивных предложений. И наоборот, если цепляться за отдельные случаи, не отличая черного от белого, все отрицать — это значит не помогать работе по упорядочению стиля, а умышленно наносить вред партии».

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарим все организацию и лиц, выразивших нам свое сочувствие по поводу смерти нашего дорогого и любимого Евгения Ивановича Горбая.

Семья Е. И. Горбая

Ваша программа была с самой высокой оценкой нашей работы. Аркадий РАЙКИН, народный артист РСФСР, ВРОЦЛАВ, 5 июля. (По телефону)

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.